

В жизни Изуку было множество случаев, когда он мог просто сказать, что его облажали, и не всегда это было связано с чем-то, что он мог видеть, например, как раз перед тем, как слизистый злодей выскочил из канализации. Это было то, что он чувствовал всем своим существом.

— Изуку Мидория, — Инко Мидория стояла в гостиной, одетая в пижаму, нетерпеливо постукивая ногой, — Где ты был?

Это был один из тех случаев.

— Не стой просто так, скажи что-нибудь!

— М-мама, я...

— Ты хоть представляешь, как я волновалась?!

— Я...

— ТЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ!

Ее сердитый вид продержался едва ли двадцать секунд, прежде чем беспокойство начало разрушать его изнутри.

— Я проснулась, чтобы выпить стакан воды, только чтобы обнаружить, что тебя нет! — Она шагнула вперед, в свет лампы, чтобы показать лицо, залитое слезами, и глаза, покрасневшие от многочасового плача. — В ПОЛНОЧЬ, Изуку! Я не знала, похитили ли тебя или... или... или что-то похуже! Все, что я могла делать, это сидеть, молиться и думать, и-и все, что я могла делать, это сидеть там, когда я поняла, что т-ты...

— М-мама, мне-мне ж-жалъ, что я...

Любой дальнейший мыслительный процесс над ситуацией был прерван, когда его мать обняла его одним из своих фирменных материнских объятий и начала рыдать ему в плечо.

В гостиной было темно, только одна маленькая лампа и свет луны давали хоть какой-то свет. Рыдания матери со шрамами, сопровождаемые лишь легким постукиванием только что начавшегося дождя. Полупустой бокал вина стоял на столе.

— Я-я была так напугана, ч-что т-ты ушел Изуку! — Ей удалось выдавить сквозь рыдания: — Т-ты все, что у меня о-осталось, и я я-я думала, ч-что у тебя есть... — Не сумев найти в себе силы закончить свое заявление, мать Изуку вместо этого только крепче обняла его, по-видимому, отчаянно желая убедиться, что он действительно здесь.

Она выпила, пытаясь смыть свое беспокойство.

Они постояли так некоторое время, Изуку утешал свою мать, когда она плакала у него на плече, прислушиваясь к редким раскатам далекого грома.

Изуку мог только грустно улыбнуться, он чувствовал себя... ну, прямо скажем, он чувствовал себя полным дерьмом, заставляя свою мать так сильно волноваться. Не то чтобы он сожалел о своем решении пойти в лабораторию, он не сожалел об этом решении, в конце концов, он собирался вернуться через три дня. Вместо этого вся его вина была вызвана тем, что он так сильно беспокоил свою мать в процессе. Ему следовало подождать до утра, как он изначально собирался, тогда его мать не попала бы в такую нервотрепку.

Как говорится, "Ретроспектива - это 20/20", но ретроспектива не помогала ему в этой ситуации. Все, что ему нужно было сделать, это просто обнять свою маму и утешить ее, скоро она забудет об этом, сделает шаг назад, вытрет лицо рукавом и начнет ругать его. Так было всегда, когда он делал что-то, что ее беспокоило. Она выплакивала бы все глаза, а потом ругала бы его до тех пор, пока-

— Мне жаль.

— Что?

— Мне очень, очень жаль.

Это было так тихо, что едва ли можно было счесть за шепот, на мгновение подросток подумал, что ему это почудилось.

— Я *ик*, я не знаю, ч-что я сделала, но *шмыг*, мне так, так ж-жаль, Изуку...

— М-мама?

Все должно было пройти не так. Его мама должна была разозлиться на него, а не... что бы это ни было.

— Э-это потому, что я не поддерживала тебя, не так ли? — Она всхлипнула, ее голос надломился. — Это потому, что я не... потому что я не поддерживала тебя, когда ты пытался стать Героем. Я-я просто не х-хотела, чтобы тебе было б-больно, вот и все!

Изуку понятия не имел, что происходит, не говоря уже о том, что он должен был сказать.

— М-мне ж-жаль, я буду *ик*, я буду поддерживать тебя, я-я буду подбадривать тебя, что бы ты ни делал, я с-сделаю все, что в моих силах, чтобы п-помочь тебе стать Героем, п-просто

пожалуйста, — Она сжала его еще крепче, когда не выдержала: — П-пожалуйста, не оставляй меня снова!

Ой.

Осознание этого поразило его, как гром среди ясного неба.

Его мама подумала, что он убежал из дома.

Именно поэтому она пила и плакала навзрыд, вместо того чтобы позвонить в полицию.

— Мама... — Было так много всего, что он хотел сказать. Что он не убегал, что он никогда бы не бросил ее вот так, что она была удивительной мамой, что он любил ее. Но Изуку никогда не был силен в словах и, похоже, не мог найти подходящего способа выразить все это, поэтому вместо этого он сделал следующее, что было лучше всего.

Он обнял ее и позволил выплакаться у него на плече.

Все это время снаружи продолжал лить дождь.

...

...

...

— Хмммммм.

Удзико был раздражен.

Он не злился, он не был зол, он не собирался ударить кого-нибудь, он был просто... раздражен.

Прошло три дня с тех пор, как парень пришел в лабораторию, прошло три дня с тех пор, как он заставил людей начать копать информацию о ребенке, три дня подряд он не спал всю ночь и потерял сон, и это были три дня ничего!

— Ну что ж... это не совсем ничего, — задумчиво произнес он, взглянув на большие стопки бумаги, разложенные перед ним.

Дата рождения, группа крови, медицинские записи, школьные оценки, домашний адрес, генеалогическое древо и многое другое были прямо там, представлены ему красивым шрифтом 11-го калибра, но это было просто... так... ничего!

Ни судимостей, ни случаев правонарушений, ни случаев, когда он вел себя неадекватно в классе, ни внеклассных мероприятий, он не состоял ни в каких бандах, он не посещал никаких политических митингов, у него не было романтических отношений, это было просто так...

Просто!

Он был настолько ничего не подозревающим, что это было подозрительно!

Парень даже не посещал никаких внеклассных кружков! На самом деле, единственное, что выделяло парня, так это то, что у него не было причуд. У него не было причуд, но каким-то образом он все еще был полон решимости стать героем, несмотря на все издевательства, которым он подвергался из-за этого. Он даже вписал U.A. в свою рекомендательную бумагу для старшей школы!

Отец ребенка умер, когда он был маленьким, и он жил один в квартире со своей матерью, которая работала на нескольких работах, чтобы прокормить их обоих. Ни домашних животных, ни бабушек с дедушками, ни двоюродных братьев, ни какой-либо другой заметной семьи, и когда Удзико прослушал записи с чипов слежения, все, что он услышал, - это громкий плач.

Он, честно говоря, начал задаваться вопросом, как он вообще мог подумать, что ребенок представляет угрозу. Он вовсе не был угрожающим, просто... грустным и удручающим на вид.

И это было не грустно, как то чувство, которое возникает, когда вы слышите по автомобильному радио о смерти какого-то случайного человека, а грустно, как то чувство, которое возникает, когда вы видите на улице брошенного щенка... который умирал с голоду... но без рук... или ног.

Но дело было не в этом!

Самым пугающим в парне было то, что он мог вогнать вас в депрессию, просто рассказав историю своей жизни. Что отчасти сыграло ему на руку, Удзико действительно не хотелось убивать парня. Это было бы просто неправильно... как пинать сироту... который тонул... и у которого не было ног.

...Ему действительно нужны были более точные аналогии.

Но это привело его к его нынешнему положению. Сидел за своим столом, справа от которого стояло то, что Юяра окрестил "великой кофейной башней" - стопка из более чем 20 пустых кофейных кружек, аккуратно сложенных башней, угрожая упасть на него, пока он был занят разглядыванием и перечитыванием чудовищного количества бумаг перед ним.

Самой большой проблемой, с которой столкнулся парень, был тот факт, что он мог раскрыть местоположение лаборатории. Обычным способом решения проблем такого рода было использование специально разработанного устройства для стирания памяти Ному, оно работало как заклинание, но у человека, на котором оно было использовано, ну, побочные эффекты были... их психическое состояние часто было... Что ж... Он не мог использовать это против ребенка!

<http://tl.rulate.ru/book/99805/3447766>